

9. Касанов, В.Н. Новая эволюционная утопия: трансгуманизм [Электронный ресурс] // В.Н.Касанов. - Режим доступа: http://www.bogoslov.ru/text/4273940.html#_ftn1.
10. Манифест стратегического общественного движения «Россия - 2045» [Электронный ресурс] // Россия 2045. - Режим доступа: <http://2045.ru/manifest/>.
11. Религия и сингулярность [Электронный ресурс] // Российское Трансгуманистическое Движение. Официальный сайт. - Режим доступа: <http://transhuman.ru/biblioteka/filosofiya-religiya/religiya-i-singulyarnost#a4>.
12. Российское Трансгуманистическое Движение [Электронный ресурс] // Официальный сайт РТД. - Режим доступа: <http://transhuman.ru/>.
13. Соловьев, М. Нанотехнология - ключ к бессмертию и свободе [Электронный ресурс] // Российское Трансгуманистическое Движение. Официальный сайт. - Режим доступа: <http://transhuman.ru/biblioteka/nanotekhnologii/nanotekhnologiya-klyuch-k>.
14. Трансгуманизм [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vk.com/transhumanist>.
15. Трансгуманизм – будущее без человека! [Электронный ресурс] // Союз Православных журналистов. - Режим доступа: <http://uoq.org.ua/publikatsii/tochka-zrenija/transgumanizm-budushchee-bez-cheloveka>.
16. Трансгуманизм: Человек 2.0 [Электронный ресурс] // Аналитический портал «Православный взгляд». - Режим доступа: <http://orthoview.ru/trashumanism/>.
17. Четверикова, О. Диктатура «просвещённых». О духовных корнях и целях трансгуманизма [Электронный ресурс] // Русская народная линия. - Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/11/02/diktatura_prosveyonnyh#_ftnref27.
18. Max More. In praise of the Devil [Электронный ресурс] // Libertarian Alliance. Atheist Notes, № 3, 1991. - Режим доступа: <http://www.libertarian.co.uk/lapubs/athen/athen003.pdf>.
19. Max More. Sex, coercion, and the age of consent [Электронный ресурс] // Libertarian Alliance. Political Notes, № 10, 1981. - Режим доступа: <http://www.libertarian.co.uk/lapubs/polin/polin010.pdf>.

ФЕНОМЕН ЕВАНГЕЛИЯ В СТРУКТУРЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО "ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ"

Виктория Викторовна Кичигина,
кандидат филологических наук, доцент ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
Анастасия Александровна Балахонова,
студентка 4 курса историко-филологического ф-та ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
Татьяна Юрьевна Христова,
студентка 4 курса историко-филологического ф-та ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно.
Это книга человечества.
(Ф.М. Достоевский)

Библия является книгой, которая известна всему человечеству на протяжении многих веков. В данной книге раскрываются такие категории как «добро» и «зло», «правда» и «ложь», «гармония» и «хаос». Она является кладом вечных общечеловеческих ценностей и проблем.

Известно, что евангельские сюжеты и образы вдохновляли музыкантов, писателей, художников разнообразных народов в самые разные эпохи существования человека.

Следует отметить, что библейскими идеями пропитаны и труды многих знаменитых классиков русской художественной литературы. Так, евангельскую символику и образную систему использовали Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.А. Булгаков, А.И. Куприн, А.А. Ахматова, А.А. Блок и многие другие.

Более того, что без наличия основных знаний о сущности Евангелия невозможно осмысление многих произведений, в частности, романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Главная заслуга Ф.М. Достоевского заключается в том, что он в своем произведении решился поставить и разрешить вечные проблемы общечеловеческого масштаба с христианских позиций: проблемы жизни и смерти, добра и зла, веры и безверия. Ответы

на данные философские вопросы писатель стремился найти, обращаясь к Новому Завету, в котором повествуется о жизни Иисуса Христа и его судьбе [5, с. 31].

Интересно по данному поводу мнение исследователя К. Кедрова, который в статье «Восстановление погибшего человека (мистерия Достоевского)» пишет, что «литературоведение и критика времен Ф.М. Достоевского были не подготовлены к объективному подходу к евангельской символике... «Евангельские эпизоды» в романах Ф. М. Достоевского обходили молчанием. Но ученый отмечал, что «в Евангелии Достоевского следует искать прежде всего то, что волновало самого писателя. А он не скрывал своей высшей цели, когда утверждал, что ищет в христианстве формулу «восстановления погибшего человека» [3, с. 119-120].

С точки зрения русского классика, люди, совершившие грех, имеют возможность очиститься и духовно воскреснуть при условии, если поверят в Иисуса Христа и уверуют в его духовные заповеди. Ф.М. Достоевский считает, что главный герой романа «Преступление и наказание», Родион Раскольников, должен быть обращен к Евангелию для того, чтобы возродиться духовно, найдя ответы на вопросы, остающимися неразрешимыми для его сердца [5, с. 30].

Произведение Ф.М. Достоевского является символическим подтверждением того, что категории «добро», «насилие» являются несовместимыми по своей природе, даже при условии, что на дорогу «насилия» станет «добрый» человек, мечтающий изменить мировое устройство и воцарить справедливый порядок бытия.

Писатель рассуждает о трагической судьбе России, включая в роман «Преступление и наказание» евангельские образы и легенды. Необходимо отметить, что во второй половине XIX века идея революционного средства переустройства государства была крайне популярна. Однако, нельзя забывать, что революция приводит к многочисленным жертвам и привлекает к себе людей, способных переступить через нравственные нормы человеческого самосознания. «Умрешь недаром: дело прочно, / Когда под ним струится кровь», – писал современник Ф.М. Достоевского Н.А. Некрасов в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856) [6, с. 130]. Данной «кровавой идее» Ф.М. Достоевский противопоставляет идею духовного воспитания личности, способствующего и духовному очищению. Писатель считает, что основную роль в этом процессе играет христианская религия; тем самым данный факт обусловил наличие в произведении «Преступление и наказание» библейской символики.

Интересно, что образы романа часто перекликаются с образами из Библии.

Например, эпизод, связанный с воскрешением Лазаря, ассоциируется с жизнью Раскольникова. Вспомним деталь: каморка главного героя напоминает гроб. Далее, украденное у старухи-процентщицы Родион оставляет под камнем, а Бог велит ему «отнять» камень, то есть «очистить душу». В эпизоде, происходящем на каторге, Раскольников читает Евангелие: из данной книги Соня Мармеладова читала ему легенду о воскрешении Лазаря [1, с. 320].

Л. Шестов в статье «Достоевский и Ницше (философия трагедии)» пишет, что «когда Раскольников после убийства убеждается, что ему отрезан возврат к былой жизни, когда он видит, что мать, любящая его больше всего на свете, перестала быть для него матерью, что сестра, согласившаяся ради его будущности навеки закабалить себя Лужину – уже для него не сестра, он инстинктивно бежит к Соне Мармеладовой» [7, с. 80].

Так, можно предположить, что судьба Сони Мармеладовой ассоциируется с историей блудницы, Марии Магдалины, которую простил Бог. Соня «погубила» свое тело, пожертвовав собой во имя любви к ближним, но своей всеобъемлющей и чистой любовью и верой в Бога она спасает Родиона.

Подробнее рассмотрим описанный в романе эпизод чтения главы XIX Евангелия о воскрешении Лазаря. Так как главный герой совершил зло, он должен покаяться Богу: духовно очиститься.

Притча о Лазаре является связующим таинством между Родионом и Соней: «Где тут про Лазаря? – спросил он вдруг. – Про воскресение Лазаря где? Отыщи мне, Соня». Закономерно, что герой мыслит себя погибшим и невоскресшим Лазарем, его духовная смерть («Я себя убил, а не старушонку») наступила в момент убийства [1, с. 511].

Таким образом, чтение притчи о воскресении должно стать «пророчеством» воскресения главного героя. Лазарь, преданный тлению, воскрес вопреки материальным законам бытия; несмотря на внешние обстоятельства должен воскреснуть и Раскольников. Именно так считает Соня: «И он, он – тоже ослепленный и неверующий, – он тоже уверует, да, да! Сейчас же, теперь же», – мечталось ей, и она дрожала от радостного ожидания» [1, с. 530].

Исследователь К. Кедров, отмечает, что «воскресший, как бы освобождаясь от телесности, облачается в «ризы нетления». «Ветхий Адам» погибает, чтобы возродился новый. Раскольников так и «остаётся» Лазарем, который воскресает не сам: его должны воскресить. Родиона же воскрешает Соня. Герой следует к воскресению по пути, указанному Соней. Якобы умершего оживляет другой; образно говоря, это является оживлением. Воскресение же исходит из души Родиона – оживление происходит из внешнего мира» [3, с. 117].

По мнению Ф.М. Достоевского, герой должен найти в тексте Евангелия ответы на вопросы, которые мучают его душу и стать для него новой жизнью. Соня же, читая Евангелие, сравнивает Раскольникова с сомневающимися иудеями, которые присутствуют при сотворении чуда Христа – воскрешения Лазаря.

Интересно, что в одном из интервью преподаватель Московской Духовной академии Михаил Дунаев сказал, что отрывок из Евангелия о воскрешении Лазаря, помещённый Ф. М. Достоевским в роман «Преступление и наказание», несёт в себе основную идейную нагрузку: «... ради этого отрывка роман написан! ...Соня читает Раскольникову о последнем чуде Христа, которое тот совершил перед арестом и Страстной неделей. Великое чудо! Лазарь умер четыре дня назад, тело его начало уже разлагаться. И тем не менее Христос воскрешает Лазаря, говоря: для человека невозможно - для Бога все возможно! Раскольников ведь и есть умерший Лазарь. Он не старуху убил, себя убил. Он мертв духовно. Если этот отрывок из Евангелия не заметить, как объяснить, что способно Раскольникова воскресить?... Достоевский прекрасно понимал, что воскрешение человека, народа - процесс долгий. Своими силами ни человек, ни общество не воскреснут...» [2, с. 215].

Не менее значима для данного исследования точка зрения на роль эпизода воскрешения Лазаря в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» исследователя Н.В. Киселевой, которая раскрыта в статье «От Библии – к художественному произведению». Н.В. Киселёва считает, что «эта символическая сцена имеет логическое и художественное продолжение: в конце романа Раскольников - каторжник, покаявшийся, возрождается к новой жизни, и в этом немалая роль Сониной любви: «Они оба были бледны и худы; но в этих больных бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего. Полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [3, с. 331].

Таким образом, Родион Раскольников ассоциируется с несколькими персонажами: с Лазарем, иудеями, Богом. Так, для Ф.М. Достоевского использование библейских символов и мотивов служит созданию не только религиозного ассоциативного фона произведения, но и рассуждений о человеческой душе как части мира, о человеческих трагедиях. Главным «условием» возрождения человеческой души писатель считал идею об обращении к вере: к Богу. Также следует отметить, что сюжетное и композиционное включение притчи о воскресении Лазаря в роман свидетельствует, что именно религиозно-философский аспект его проблематики подчёркивался автором; другими словами, в стратегию писателя входило не только художественное исследование преступления и наказания, но и возможности воскресения, возрождения преступившего человека.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание – М.: Наука, 1970. – 600 с.
2. Дунаев М.М. Федор Михайлович Достоевский / М.М. Дунаев // Православие и русская литература в XVII-XX вв. – М.: Русское слово, 2014. – С. 211-290.
3. Кедров К. Восстановление погибшего человека (К вопросу о положительном идеале у Достоевского) / К. Кедров // Новый мир. – М.: 1981. – № 10. – С. 117-139.

4. Киселева Н.В. От Библии к художественному произведению / Н.В. Киселева // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль: 2016. – № 3. – С. 329-333.
5. Мостовская Н.Н. С.И. Достоевский в дневниках С.И. Смирновой / Н.Н. Мостовская // Литературные известия. – М.: 2003. – С. 27-45.
6. Некрасов Н.А. Поэт и гражданин / под ред. Е.А. Иванова // Избранные стихотворения. – М.: Литературный вестник, 1997. – С. 130-131.
7. Шестов Л.И. Достоевский и Ницше (философия трагедии) / Л.И. Шестов // Знамя. – М.: 1972. – С. 39-81.

СООТНОШЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗА ВРАЧА И ЛИЧНОСТИ АРХИЕПИСКОПА СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)

*Протоиерей Александр Литвиненко,
аспирант ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»,
настоятель храма св. велмуч. Георгия Победоносца
с. Толоконное, Белгородского р-на.
(Россия, г. Белгород)*

Образ врача в литературе, искусстве и культуре один из самых востребованных. Это не случайно, ведь именно мотивы болезни и исцеления, болезни и смерти, болезни в символическом значении пронизывают саму жизнь, как отдельного человека, так и общества в целом, что в свою очередь находит выражение в религии, фольклоре, науке, философии и искусстве. Но это значение также велико и в художественной литературе, которая является определенным срезом бытия своей исторической эпохи. К тому же саму литературу можно также рассматривать как лекарство – лекарство духовное, к которому часто прибегает человек, ища ответы на вопросы, которые ставит ему жизнь.

Сопоставление литературного героя с реальной исторической личностью часто позволяет открыть новые грани понимания, как личности, так и, приложив к литературному герою черты «живого» человека, точнее понять замысел автора произведения. К тому же часто образ литературно героя читатели видят в авторе произведения, и литературный герой является как бы тенью жизни писателя, на что еще А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» иронично заметил: «Как будто нам уж невозможно/ Писать поэмы о другом, / Как только о себе самом» [1, 207].

Изучая личность святителя Луки (Войно-Ясенецкого) стоит обратить пристальное внимание на высказывание, что: «кто собирается описать его жизнь, ни в коем случае не должен отделять облик архиепископа Луки от лица хирурга Войно-Ясенецкого. Описанные порошны обе половины окажутся заведомо лживыми» [2, 15].

Образ доктора часто встречается в русской литературе, к примеру в уже цитируемом произведении «Евгений Онегин» автор не упоминая личности изобразил достаточно карикатурный образ медицинского работника: «все шлют Онегина к врачам,/ Те хором шлют его к водам» [2, 327]. В другом произведении Пушкина «Дубровский», встречается «лекарь, по счастью не совершенный невежда» [3, 137], и чувствуется отношение автора к медицине, который, как известно из стиха датированного 1819 годом, будучи болен: «ускользнул от Эскулапа/ Худой, обритый — но живой» [4, 198]. Образ «врача-шарлатана» встречается в «Ревизоре» Н. В. Гоголя, а так же в произведении М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», доктора Христиан Гибнер и Вернер, соответственно.

Символика образа врача в русской литературе непосредственно связана с православной духовной жизнью. Образ Христа который исцеляет недуги, изгоняет бесов и воскрешает мертвых, который возвещает что: «Не здоровые имеют нужду во врачех, но больные» (Мф., 9, 12), в сознании многих является примером служения не только для священнослужителя, но и для доктора. Во многом это происходит из-за того, что доктор как и священник по своей должности приближен к самым сущностям человеческого бытия: рождение, сама жизнь, страдание и сострадание, мука, болезнь и наконец смерть. Поэтому